

18+

Квант М.

Космическая одиссея Эфира

Квант М. Космическая одиссея Эфира

<https://litres.ru/73872833>

ISBN 9785006984653

Аннотация

Экипаж звездолёта «Эфир» попадает в загадочный пространственный туман, где мысли материальны, а страхи обретают форму. Чтобы выжить, им придётся заглянуть в глубины собственных душ, пройти через кошмары и искушения, столкнуться с древними цивилизациями «Садов» и «Теней» и найти в себе силы выбрать трудный путь Странников — путь бесконечного роста и отчаянной борьбы за право быть собой в безжалостной и чудесной вселенной.

Содержание

Глава 1. Призраки пустоты	5
Глава 2. Зеркала для призраков	31
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Космическая одиссея Эфира

Квант М.

© Квант М., 2026

ISBN 978-5-0069-8465-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Призраки пустоты

Тишина между звёздами — это обман. Это гул, заглушённый толщей стали и изоляцией, это биение собственного сердца в ушах, это едва уловимый шепот систем жизнеобеспечения, сливающийся в монотонный, почти забываемый фон. Звездолёт «Эфир» скользил по предписанной траектории, крошечная раковина, затерянная в чёрном океане за краем освоенного сектора Галактики. Внутри царил строгий, выверенный до секунды порядок, ритм, отбиваемый сменой вахт, проверками показателей и размеренными разговорами. Космос за иллюминаторами был статичен, вечен и безразличен.

Командир Алексей Горский оторвал взгляд от трёхмерной проекции навигационных карт, потянулся, чувствуя, как ноют мышцы спины от долгой неподвижности. Его каюта, если это скромное помещение с минимальными удобствами можно было так назвать, находилась в носовой части корабля. На столе, привинченном к полу, рядом с фотографией земного леса в золотую осень лежал рапорт о текущем статусе. Всё в норме. Все системы функционируют в оптимальном режиме. Экипаж в порядке. Скучно. И это было хорошо. В дальних разведках скука — лучший из союзников.

«Эфир» был не первым его кораблём, но первым, команду над которым он получил целиком. Не самый новый,

но надёжный, проверенный. Миссия — рутинная на первый взгляд: обследование дальнего рукава спиральной галактики, картографирование, поиск аномалий в пространстве-времени, которые могли бы послужить основой для новых теорий или, что куда прозаичнее, новых навигационных маршрутов. Учёные в Центре обожали такие миссии — много данных, минимум риска. По крайней мере, так считалось.

Горский вышел на центральный мостик. Помещение было погружено в полумрак, подсвеченное лишь мягким голубым светом панелей управления и мерцанием звёзд на главном экране. За штурвалом, вернее, за комплексом навигационных терминалов, сидела Марина Чижова, пилот. Её пальцы порхали над сенсорными полями с небрежной, почти артистической точностью, хотя на автопилоте «Эфир» мог лететь ещё сто лет, не сбившись с курса на миллиметр. Но Марина не доверяла слепой электронике там, где речь шла о контроле. Это была её манера, её способ оставаться на связи с кораблём.

— Командир на мостике, — автоматически произнесла она, не оборачиваясь.

— Как прогресс, Марина? — Горский подошёл к её креслу, положил руку на спинку.

— Полет нормальный. Автопилот ведёт по нитке. Тридцать семь часов до очередной коррекции. Скучища, Алексей Игоревич.

Он усмехнулся. Чижова была на редкость прямолинейна,

что в замкнутом пространстве звездолёта порой раздражало, но зато на неё всегда можно было положиться. Она не украшала и не скрывала.

— Наслаждайся покоем. Неизвестно, когда ещё такой выдаться.

— Я бы предпочла немного неизвестности, — буркнула она. — Хоть какой-нибудь астероид для маневров. Или симпатичную туманность на горизонте. А то... пустота.

Пустота. Именно она давила больше всего. Не опасность, не явная угроза, а это бесконечное, безликое ничто. Горский кивнул и перевёл взгляд на научный пост, где под зелёным светом спектрографа склонилась фигура Ильи Семёнова, старшего научного сотрудника миссии. Тот что-то бормотал себе под нос, сверяя данные с планшета и трёхмерной модели локального пространства.

— Илья, есть что-нибудь интересное?

Учёный вздрогнул, словно вынырнув из глубины расчётов.

— Командир? А... интересное? Если считать интересным статистическую флуктуацию микроволнового фона на 0.003 процента от нормы, то да. В остальном... типичная межзвёздная среда. Разрежённый водород, следы гелия, космическая пыль. Никаких гравитационных аномалий, никаких разрывов. Скуднейшая пустота, как и выразилась наша пилот.

— Вы тоже за неизвестность? — пошутил Горский.

Семёнов снял очки и протёр глаза.

— Я за данные, командир. А их здесь, простите, кот наплакал. Оборудование работает идеально, но ловить нечего. Даже для диссертации моего аспиранта на Земле материала маловато.

Разговор прервал мягкий шипящий звук открывающейся двери. На мостик вошла Виктория Орлова, корабельный врач и психолог. Она несла в руках планшет с графиками биометрических показателей экипажа, но на её лице была не профессиональная маска, а лёгкая, едва уловимая озабоченность.

— Всем доброго, — её голос был тихим, мелодичным, всегда успокаивающим. — Алексей Игоревич, можно вас на минутку?

— Конечно, Вика. Что-то не так?

— В принципе, нет. Все в рамках нормы. Но... — она перевела взгляд на огромный экран, где плыли немые точки звёзд. — Вы не замечали за последние смены повышенной... раздражительности? Или, наоборот, апатии?

Горский нахмурился.

— Конкретнее?

— Инженер Волков вчера ворчал на систему рециркуляции воды дольше обычного. Бортинженер Зайцева сегодня пропустила утреннюю физразминку, ссылаясь на усталость, хотя её показатели сна в норме. Мелочи. Но в замкнутой системе мелочи имеют свойство накапливаться.

— Длительный полёт, монотонность, — пожал плечами Семёнов, не отрываясь от экрана. — Классика. Виктория, вы же сами читали нам лекции о психологии малых групп в изоляции.

— Читала, — согласилась Орлова. — И потому знаю, что это начинается раньше расчётного срока. Словно... словно пустота снаружи начала просачиваться внутрь.

На мостике на секунду воцарилась тишина, нарушаемая лишь гудением вентиляции. «Просачиваться внутрь». Неудачная метафора, но она зацепила что-то в подсознании Горского. Он и сам в последние дни ловил себя на том, что дольше, чем нужно, смотрит в темноту за иллюминатором, ожидая увидеть в ней не звёзды, а что-то ещё. Что-то, чего там быть не могло.

— Усилим наблюдение, — твёрдо сказал он. — Вика, составь график дополнительных неформальных бесед. Марина, Илья — если заметите в себе или в других что-то подобное, сразу к доктору. Не стесняться. Это приказ.

Все кивнули. Порядок был восстановлен. Командир вернул контроль. Но лёгкая тень сомнения, посеянная врачом, осталась.

Следующие сорок часов прошли без видимых изменений. «Эфир» продолжал свой путь. Экипаж выполнял рутину. Горский провёл плановое совещание, заслушал отчёты. Инженер Дмитрий Волков, коренастый, всегда чуть запачканный машинным маслом мужчина сорока с лишним лет, до-

ложил об идеальном состоянии двигателей и энергоядерного реактора. «Жаворонок, как новенький», — похлопал он по корпусу одного из терминалов, называя реактор ласковым прозвищем. Бортинженер Анна Зайцева, молчаливая и невероятно эффективная, подтвердила, что все системы корабля, от кислородных генераторов до искусственной гравитации, работают без нареканий. Она избегала смотреть в глаза, её ответы были кратки и техничны. Орлова, наблюдая за ней, делала едва заметные пометки в своём планшете.

Вечером, по корабельному времени, экипаж собрался в общей кают-компании на ужин. Это был ритуал, поддерживающий подобие нормальной жизни. Пища, разогретая в автомате, не отличалась изысками, но хотя бы была разной. На стенах висели изображения земных пейзажей: горы, леса, океаны. Яркие, неестественно сочные пятна цвета в металлически-сером мире корабля.

Разговор не клеился. Волков пытался рассказывать анекдот, но сбивался. Семёнов уткнулся в планшет. Чицова методично и быстро ела, словно спешила вернуться на мостик, хотя её вахта заканчивалась час назад. Горский наблюдал за ними, чувствуя ту самую «просачивающуюся пустоту». Не конфликты, не ссоры — а какое-то общее угасание, потеря тонуса. Как если бы краски на тех самых изображениях начали медленно выцветать.

Внезапно замигал жёлтый индикатор на стене, и раздался спокойный голос бортового компьютера.

— Внимание. Зафиксировано слабое гравитационное возмущение в точке, отклонённой от курса на три градуса по оси Z. Происхождение не идентифицировано. Интенсивность нарастает.

Как по команде, все встrepенулись. В глазах вспыхнул интерес, oживление. Даже Зайцева подняла голову.

— Наконец-то! — воскликнул Семёнов, чуть не опрокинув стакан с водой. — Командир, разрешите...

— На мостик, — коротко бросил Горский, уже поднимаясь. Скука мгновенно испарилась, уступив место профессиональному азарту и лёгкой тревоге.

Через минуту все основные члены экипажа были на своих местах. На главном экране вместо статичной карты звёзд появилось трёхмерное изображение пространства перед кораблём. Всё выглядело как обычно, но в одном секторе датчики рисовали слабую, пульсирующую сферу неопределённости.

— Что показывают датчики? — спросил Горский, занимая своё кресло в центре.

— Масса? Практически нулевая, — отозвался Семёнов, его пальцы летали по консоли. — Но гравитационная тень есть. И она... странная. Не похожа на скопление тёмной материи, не похожа на микроскопическую чёрную дыру. Электромагнитный спектр... чистота. Слишком чистая. Никакого излучения. Как дыра в пространстве.

— Опасность для корабля? — обратился Горский к Вол-

кову.

Тот что-то пробормотал, изучая данные о целостности поля структурной целостности.

— На текущей дистанции — нет. Поле слабенькое. Но если это что-то новое... кто знает, как оно поведёт себя вблизи. Рекомендую сместиться с курса, обойти.

— Согласен, — кивнул Горский. — Марина, корректируй траекторию. Отходим на безопасную дистанцию. Илья, продолжай запись всех данных. В Центре будут прыгать от восторга.

Чижова уже перенастраивала автопилот, когда Семёнов ахнул.

— Командир! Оно... меняется.

На экране пульсирующая сфера начала терять чёткие границы. Она расплывалась, как капля чернил в воде, только медленнее, величественнее. И не чёрной, а какой-то... тускло-серой, поглощающей свет от дальних звёзд, но не полностью. Сквозь неё что-то мерцало, искажённое, словно через старое, потрескавшееся стекло.

— Это... туман? — неверием прозвучал голос Орловой. Она тоже вышла на мостик, привлечённая суетой.

— В межзвёздном пространстве? — усомнился Волков. — Для формирования туманности нужны пыль, газ, источник излучения... Здесь ничего подобного нет.

— А он есть, — прошептал Семёнов. — И растёт. С огромной скоростью. Словно... разворачивается.

Он был прав. Серое пятно на экране увеличивалось не по часам, а по минутам. Оно перестало быть сферой, превратившись в бесформенную, клубящуюся массу, которая медленно, но неотвратно начала заполнять пространство по курсу «Эфира». И теперь уже не нужно было смотреть на экран. Прямо перед носовым иллюминатором, в абсолютной чёрной пустоте, начало проявляться нечто. Сначала как лёгкая дымка, затмевающая далёкие звёзды. Потом дымка сгущалась, приобретая молочно-серый, мерцающий оттенок. Она не была непрозрачной, сквозь неё можно было разглядеть огни других звёзд, но они дрожали, двоились, словно таяли.

— Это невозможно, — сказал Семёнов, и в его голосе впервые зазвучал не научный интерес, а растерянность. — Такая скорость диффузии... такие масштабы... это нарушает десяток физических законов.

— Нарушает или дополняет? — тихо спросила Орлова.

— Всё равно, — вмешался Горский, его командирский тон вернул всем хоть какую-то опору. — Марина, полный импульс на разворот. Дмитрий, готовь маршевые двигатели к экстренному манёвру. Анна, проверяй поля. Мы уходим.

Чижова уже ввела команды. На мостике почувствовалась лёгкая вибрация — работали маневровые двигатели. Звёзды на экране должны были поплыть в сторону. Но они оставались на месте. Вернее, плыли, но слишком медленно.

— Командир, отклик на управление замедлен, — голос

пилотши потерял свою уверенность. — Словно... словно мы в густом сиропе. Автопилот борется, но вектор тяги не соответствует ожидаемому.

— Дайте ручное управление! — приказал Горский.

— Пробую! Не выходит! Системы в норме, но корабль... не слушается.

Туман был уже рядом. Он не просто висел в пространстве — он обволакивал «Эфир». Молочно-серая пелена поплыла за иллюминаторами, мягко, беззвучно, закрывая вид на звёзды. Сначала с краёв, потом всё больше, пока в центре не остался лишь маленький островок чистого чёрного неба, который вскоре тоже исчез.

Корабль погрузился в него.

Снаружи не было ни тьмы, ни света. Был равномерный, рассеянный, мерцающий серый цвет. Без глубины, без перспективы. Датчики внешнего обзора показывали то же самое. Локаторы посылали импульсы и получали их обратно искажёнными, с непонятными задержками. Казалось, корабль замер в бесконечной, однородной субстанции.

— Сообщите статус всех систем, — голос Горского прозвучал громко в гробовой тишине мостика.

Один за другим посыпались доклады, быстрые, отрывистые.

— Двигатели отвечают, но тяга падает на семьдесят процентов. Причина неизвестна.

— Навигационные системы теряют опорные точки. Гиро-

скопы в норме, но данные с внешних датчиков противоречивы.

— Энергосистемы стабильны. Реактор работает в штатном режиме.

— Поля структурной целостности на максимуме, но нагрузка в норме. Кажется, эта... субстанция... не оказывает физического давления.

Горский обвёл взглядом экипаж. На лицах читалось напряжение, но пока не было паники. Профессионалы. Столкнулись с неизвестным явлением. Работают.

— Предположения, Илья?

Семёнов, бледный, но собранный, лихорадочно изучал потоки данных.

— Это не материя в привычном понимании. Это не газ, не плазма. Датчики фиксируют... пространственные колебания. Микроскопические искажения метрики. Как если бы само пространство-время здесь стало нестабильным, «закипело» на квантовом уровне. Этот «туман» — визуальное проявление этих флуктуаций. Мы внутри области с аномальными физическими свойствами.

— Влияние на экипаж?

Все взгляды обратились к Орловой. Та приложила руку к своему медицинскому сканеру, считывающему базовые показатели прямо с биодатчиков на их униформах.

— Пока всё в пределах нормы. Лёгкое повышение сердцебиения у всех, уровень кортизола возрос — стрессовая ре-

акция. Ничего критичного.

— Хорошо. Продолжаем сбор данных. Дмитрий, попробуй импульсный режим двигателей, короткими сериями. Попробуемся вырваться из этой... зоны.

Волков кивнул и погрузился в настройки. На мостике вновь воцарилось сосредоточенное молчание, нарушаемое лишь щелчками интерфейсов и тихими голосами, отдающими команды. Серый свет за иллюминаторами был настолько однообразен, что начинало рябить в глазах. Горский заставил себя отвести взгляд на панели управления. Цифры и графики были реальностью. Туман за бортом казался дурным сном.

Первым что-то заметил Семёнов.

— Странно, — пробормотал он. — Показания термодатчика в секторе семь... колеблются. Но не должно быть...

Он не договорил. Потому что в этот момент погас свет.

Не весь. Аварийное освещение тут же включилось, залил мостик тусклым красным светом. Основные панели потухли, экраны погасли.

— Что случилось? — резко спросил Горский.

— Сбой в основной энергосети! — доложила Зайцева, её пальцы уже летали по резервной консоли. — Автоматический переход на дублирующие линии... Есть! Восстанавливаем.

Свет вернулся. Панели загорелись вновь. Но что-то изменилось. Очень незначительно. Воздух казался гуще. Звук

вентиляции — приглушённое.

— Все в порядке? — Горский окинул взглядом команду.

Чицова молча подняла руку и указала пальцем на главный экран. Он снова работал, показывая искажённую картину внешних датчиков. Но теперь в серой пелене тумана, прямо по курсу, появилось пятно. Не просто пятно. Очертания.

Это была скала. Огромная, неровная, тёмно-серая глыба, медленно проплывающая в молочной дымке. На её поверхности виднелись трещины, выступы. Совершенно реальная, материальная скала, парящая в невесомости тумана.

— Это... астероид? — не веря своим глазам, прошептала Орлова.

— Невозможно, — тут же отрезал Семёнов. — Датчики не фиксировали никаких масс поблизости. Да и откуда ему здесь взяться? Мы в межзвёздном пространстве!

— Но он там, — просто сказала Чицова.

И она была права. Скала была там. Более того, за ней, в глубине тумана, начали проступать другие очертания. Ещё скалы. Обломки. Что-то, отдалённо напоминающее искорёженную металлическую балку. Картина напоминала поле обломков после космической катастрофы.

— Может, мы вышли куда-то? В какой-то пояс астероидов? — предположил Волков.

— Нет, — Семёнов тряс головой, не отрываясь от приборов. — Координаты по инерциальной навигации не изменились кардинально. Мы там же, где и были. Только... про-

странство изменилось.

Внезапно скала на экране дрогнула. Её очертания поплыли, расплылись, как изображение на воде, и исчезли. На её месте снова была лишь ровная серая пелена. Через несколько секунд в другом секторе проступили и растаяли очертания чего-то, похожего на древний, полуразрушенный спутник.

— Галлюцинации, — тихо произнесла Орлова. — Коллективные визуальные галлюцинации.

— Датчики тоже их видят, Вика, — возразил Семёнов. — Это не в наших головах. Это... проецируется в реальность. Туман реагирует на что-то. На наши приборы? На наше сознание?

Мысль повисла в воздухе, тяжёлая и пугающая. Горский чувствовал, как по спине пробегают мурашки.

— Прекратите, — сказал он жёстко. — Не строить догадки. Фиксировать факты. Анна, как системы?

— Стабильны, — ответила Зайцева, но её голос дрогнул. — Только... я только что проверяла отсек хранения в третьем секторе. На мониторе всё было в порядке. Но когда я мысленно представила... трещину в корпусе... на датчике на секунду мелькнуло предупреждение. Потом пропало.

Все замерли, глядя на неё.

— Ты сказала «мысленно представила»? — переспросил Горский.

Зайцева кивнула, её глаза были полны ужаса.

— Я... я просто подумала, что в таком странном месте всё может быть. И представила. И датчик это... отобразил.

На мостике стало тихо настолько, что было слышно, как гудит кровь в ушах. Идея, невероятная, бредовая, овладела всеми: туман не просто искажает реальность. Он материализует мысли. Страхи. Опасения.

— Проверим, — хрипло сказал Семёнов. Он закрыл глаза, сжал веки, явно сосредотачиваясь. — Я... я представляю перед кораблём... шар. Идеальный металлический шар. Диаметр десять метров.

Все устремили взгляды на экран. Секунды тянулись мучительно долго. И вдруг, в серой пустоте, прямо по курсу, начало собираться нечто. Сначала как смутная тень, потом обретая чёткость. Блеснула отражённым светом внутреннего освещения мостика. И появился он. Идеально гладкий, металлический шар. Он висел несколько секунд, потом его контуры задрожали, поплыли и рассыпались на серые хлопья, растворившиеся в тумане.

Эксперимент удался. Ужасающе.

— Боже правый, — выдохнул Волков. — Он читает мысли.

— Не читает, — поправила его Орлова, и её лицо было белым как мел. — Он их... воплощает. Недолговечно, неустойчиво, но воплощает. Это психотронное поле невероятной мощности. И мы в его центре.

Паника, холодная и липкая, впервые подняла голову. Гор-

ский видел её в широко открытых глазах своих людей.

— Всем взять себя в руки! — его голос прозвучал как выстрел. — Это явление. Аномалия. Мы её изучаем и ищем способ нейтрализации. Виктория, ваша первоочередная задача — контролировать психологическое состояние. Все! Я приказываю максимально контролировать свой мыслительный процесс. Не поддаваться страху. Не фантазировать. Держите в голове технические мануалы, таблицы, расчёты. Что угодно, кроме образов. Понятно?

Раздались не очень уверенные, но подчиняющиеся «понятно». Приказ дал им точку опоры, занятие. Но как контролировать собственные мысли? Как запретить мозгу генерировать образы, особенно в состоянии стресса?

Волков, пытаясь сосредоточиться, уставился на панель управления двигателями. И, видимо, невольно представил сбой. Индикатор температуры одного из сопел тут же замигал тревожным красным, хотя физические датчики секунду спустя показывали норму.

— Чёрт! — выругался он, отшатнувшись от консоли.

— Спокойно, Дмитрий, — сказала Орлова, стараясь говорить мягко, но её собственные руки дрожали. — Дыши. Считай про себя. Просто считай.

Туман за иллюминаторами, казалось, сгущался. А может, это было субъективное ощущение. На экранах то тут, то там вспыхивали и гасли призрачные образы: обрывки конструкций, силуэты, напоминающие какие-то знакомые и одновре-

менно чужие формы. Каждый видел своё. Чицова, глядя вперёд, вдруг вскрикнула — прямо перед кораблём на миг возник и рассыпался образ другого звездолёта, старинной модели, на которой она когда-то летала в учебных полётах и которая разбилась, едва не унеся с собой её жизнь.

— Это мои... воспоминания, — прошептала она. — Самые яркие. И самые страшные.

— Не смотри, — приказал Горский. — Все, отвести взгляд от экранов внешнего обзора. Работайте с закрытыми данными, с текстовыми логами.

Он сам попытался последовать своему совету, уставившись в рапорт о расходе ресурсов. Но периферийным зрением он заметил движение у дальнего иллюминатора. Он не удержался, поднял глаза.

В тумане, прямо рядом с кораблём, плыла фигура. Человеческая фигура в скафандре старого образца. Безжизненно повисшая в невесомости. Лицо за затемнённым стеклом шлема было неразличимо, но поза... поза была до боли знакомой. Это был капитан его первого учебного судна, человек, который погиб при нелепой аварии на орбите Марса. Вина за которую, как считал молодой тогда Горский, лежала отчасти и на нём.

Фигура медленно проплыла мимо и растаяла, как дым.

Ледяная рука сжала его сердце. Туман вытаскивал наружу не просто случайные мысли. Он выуживал самое сокровенное. Самые глубокие страхи, чувство вины, незажившие

раны.

— Командир? — услышал он голос Орловой. Она смотрела на него, и в её глазах он прочитал понимание. Она видела его лицо. Она знала.

— Всё в порядке, — с трудом выговорил он. — Продолжаем работу.

Но работать становилось всё сложнее. Туман, эта гигантская, бесформенная сущность, действовала как зеркало, отражающее самые тёмные уголки души. И эти отражения начинали жить собственной, призрачной жизнью, взаимодействуя с реальностью корабля. Датчики начинали врать, показывая то, чего боялся или о чём думал конкретный член экипажа. В системах стали появляться «фантомные» ошибки, которые исчезали, стоило отвлечься.

Семёнов, пытаясь анализировать данные, бормотал:

— Эффект наблюдения... на квантовом уровне, но возведённый в макромасштаб... Сознание как фактор, коллапсирующий волновую функцию не в эксперименте, а в реальном мире... Это же...

Он замолчал, увидев, как на его собственном мониторе формулы, над которыми он работал годами, начали сами собой перестраиваться в другое, бессмысленное уравнение, которое он однажды увидел в кошмарном сне после трёх бессонных ночей перед защитой.

Он выключил монитор, закрыл лицо руками.

— Мы не можем так, — тихо сказала Орлова. — Наши

мозги... они не предназначены для такого. Мы не умеем не думать. Мы не умеем контролировать каждую мимолётную мысль, каждую подсознательную вспышку. Он раздербанит нас по кусочкам. Каждого в отдельности.

Горский понимал, что она права. Туман был идеальным оружием против разумных существ. Он использовал их собственный разум против них самих. Оставалось только ждать, когда чья-нибудь неконтролируемая паника или давняя фобия материализуются во что-то, что сможет нанести кораблю реальный физический ущерб. Или сведёт кого-то с ума.

— Нужно найти способ экранироваться, — пробормотал он. — Или вырваться. Дмитрий, какой максимальный импульс мы можем дать, не рискуя развалить каркас?

— С текущими помехами? Не знаю, командир. Если в момент разгона я невольно подумаю о перегреве или разрыве топливной магистрали...

— Доверься автоматике. Закрой глаза, если надо. Дай короткий, но мощный импульс. В случайном направлении. Лишь бы сдвинуться с этой точки. Может, у этой аномалии есть границы.

Волков, стиснув зубы, кивнул. Он стал вводить команды, бормоча под нос что-то бессвязное — видимо, таблицу умножения или список деталей двигателя, лишь бы занять мозг. Его руки дрожали.

В это время Зайцева, сидевшая рядом с ним, вдруг замерла. Она смотрела не на свою консоль, а в пустоту перед со-

бой. Её лицо исказилось странной смесью тоски и страха.

— Анна? — окликнула её Орлова.

— Я слышу, — прошептала Зайцева.

— Что?

— Шёпот. В вентиляции. Знакомый голос...

Орлова обменялась встревоженным взглядом с Горским. Аудиальные галлюцинации. Туман проникал глубже.

— Это не реально, Анна, — твёрдо сказала врач. — Это туман. Он играет с твоей памятью.

— Нет... он зовёт меня, — Зайцева медленно поднялась с кресла. Её движения были заторможенными, как у лунатика.

— Он говорит... что я могу всё исправить...

— Анна, стой! — крикнул Горский, но было поздно.

Зайцева повернулась и быстрыми, решительными шагами направилась к выходу с мостика.

— Блокировать двери! — скомандовал Горский Чижовой, но пилот, ошеломлённая, не успела среагировать. Зайцева, как опытный инженер, знала все коды. Дверь с шипением открылась перед ней, и она скрылась в коридоре.

— Чёрт! Виктория, Дмитрий — за ней! Немедленно! Остальные на местах!

Орлова и Волков бросились вслед. Горский, оставшись на мостике с Чижовой и Семёновым, чувствовал, как ситуация ускользает из-под контроля. Он видел на внутренних камерах, как Зайцева бежит по коридору, не оглядываясь, прямо к шлюзовому отсеку.

— Она хочет выйти, — с ужасом понял Семёнов. — В туман.

Волков и Орлова настигли её как раз у массивной двери шлюза. Анна уже вводила код разблокировки.

— Анна, остановись! — Волков попытался схватить её за руку, но она отшатнулась с неожиданной силой. В её глазах горела одержимость.

— Он там! Я должна к нему! Я должна всё исправить!

— Кто там? — крикнула Орлова, пытаясь заглянуть ей в лицо, установить контакт.

— Сергей... — выдохнула Зайцева, и в её голосе прозвучала бездонная боль. — Мой брат. Он погиб... из-за меня. А теперь он там. Он зовёт.

Орлова поняла. Глубокая, давняя травма, чувство вины, которое Анна всегда носила в себе, скрывая за маской холодной эффективности. Туман нашел её самое слабое место и сыграл на нём, материализовав голос погибшего брата.

— Это не Сергей, Анна! Это иллюзия! Туман показывает тебе то, что ты хочешь увидеть! Он хочет, чтобы ты вышла!

— Нет! — закричала Зайцева и рванулась к панели окончательного открытия внешнего шлюза.

Волков, не раздумывая, нанёс ей аккуратный, но сильный удар в челюсть. Она обмякла, и он подхватил её на руки. Орлова тут же впрыснула ей успокоительное из аварийного набора, всегда висящего у неё на поясе.

— Уносим её в лазарет, — скомандовала она Волкову. —

Быстро.

На мостике Горский, наблюдавший за этой сценой по камерам, сжал кулаки так, что побелели костяшки. Один человек уже выведен из строя. Психологически, а может, и физически. Туман атаковал точно, по самому уязвимому. Кто следующий?

— Дмитрий, как там? — спросил он по связи.

— В порядке, командир. Унесём. Но, Алексей Игоревич... тут в коридоре... — голос Волкова прервался, в нём послышался страх. — Стены... они как будто дышат. И на них... лица.

— Не смотри! Закрой глаза и неси её! Концентрация на цели! На задаче!

— Пытаюсь...

Волков и Орлова, неся тело Зайцевой, скрылись из поля зрения камер. Горский перевёл дух, пытаясь совладать с собственной нарастающей тревогой. Он не мог позволить себе потерять контроль. Он — командир. Опора для остальных.

— Марина, Илья — отчёт. Что вокруг корабля?

Чижова, бледная, но собранная, бросила взгляд на экран.

— Спектр искажений нарастает. Туман стал гуще. И... кажется, он начал формировать какие-то структуры. Не случайные. Похоже на... архитектуру.

Семёнов, преодолевая себя, взглянул на данные.

— Она права. Флуктуации пространства упорядочиваются. Формируют сложные паттерны. Как будто... кто-то или

что-то пытается с нами общаться. Или строить ловушку по нашим же лекалам.

Архитектура. Словно в подтверждение их слов, на главном экране, в серой пелене, начали проступать контуры. Сначала это были просто геометрические фигуры: арки, колонны, своды. Потом они стали сложнее, соединяясь в нечто, напоминающее то ли древний храм, затерянный в тумане, то ли фантастический город, парящий в пустоте. Здания были неземными, странных, порой ломаных пропорций, но в них угадывалась логика, пусть и чуждая человеческому разуму. И всё это светилось тем же внутренним, призрачным серым светом, колебалось, дрожало, как мираж.

— Это чьё-то представление? — спросила Чицова. — Твоё, Илья? Моё?

— Не моё, — отрезал учёный. — У меня в голове нет готических соборов из тумана. Это... коллективный образ? Или... самостоятельное творчество аномалии?

Внезапно корабль содрогнулся. Не от удара, а словно от мощного, низкочастотного звука, который не слышали уши, но чувствовало всё тело.

— Что это? — вскрикнула Чицова.

— Энергетический импульс из тумана! — доложил Семёнов. — Совершенно новый тип излучения! Он прошёл сквозь поля, как будто их нет!

Туман перед кораблём вдруг расступился. Не развеялся, а именно расступился, образовав туннель, уходящий в беско-

нечную серую даль. А в конце этого туннеля, на недостижимом, казалось, расстоянии, замерцал свет. Не серый, а золотистый, тёплый, похожий на свет далёкого, но такого желанного солнца.

И в этом свете возник силуэт.

Человеческий силуэт. Но не призрачный, не расплывчатый. Чёткий, ясный. Фигура в простой, свободной одежде, стоящая спиной к ним. Длинные волосы, спадающие на плечи. Ощущение невероятного покоя, безмятежности, исходящее от этого образа, било через экран, через туман, через обшивку корабля.

Все на мостике замерли, замороженные. Это был не образ страха. Не образ вины. Это было... желание. Глубинное, затаённое в каждом из них желание покоя, дома, безопасности. Того самого «солнечного света» в конце пути.

Силуэт медленно начал поворачиваться.

И в этот момент раздался оглушительный, раздирающий металл скрежет, и весь корабль накренился, будто его ударили гигантским молотом. Золотистый свет погас, силуэт исчез, а туннель в тумане захлопнулся. На смену ему пришла хаотичная, бурлящая каша из серых образов, вспышек и теней.

— Удар по корпусу! Сектор пять! — закричала Чицова, её руки уже летали по аварийным консолям. — Разгерметизации нет, но деформация обшивки! Что это было?!

— Не знаю! — Семёнов в ужасе смотрел на показания. —

Никакого физического объекта датчики не зафиксировали! Это... это было как материализация удара! Чья-то мысль? Чья-то ярость?

Горский, пристёгнутый ремнями, которые он автоматически застегнул при первом толчке, почувствовал, как холодный пот стекает по спине. Силуэт в золотом свете... он тоже его увидел. И на миг ему показалось, что это... его отец, давно умерший, но всегда бывший для него образцом спокойствия и мудрости. Туман играл не только на страхах. Он играл на самых сокровенных желаниях, заманивая, обещая. А потом, когда надежда уже загоралась, выбивал почву из-под ног, обрушивая кошмар.

Это была пытка. Изошрённая, бесконечно жестокая пытка разумом.

— Командир! — в связь ворвался голос Волкова, тяжело дышащего. — Мы в лазарете. Анна без сознания, но стабильна. Но тут... тут стены... они показывают сцены. Из моего детства. Плохие сцены. Я... я не могу...

— Держись, Дмитрий! — крикнул Горский. — Не взаимодействуй! Это не реально!

— Легко сказать! — в голосе инженера послышались слёзы. — Оно здесь! Оно смотрит на меня!

Связь оборвалась.

«Эфир» был в ловушке. Не просто в аномалии пространства. В ловушке собственного коллективного бессознательного, которое стало материальной силой. И с каждым мгно-

вением эта сила росла, питаясь их эмоциями, их воспоминаниями, их болью и их надеждами.

Горский откинулся в кресле, глядя на бушующий за иллюминаторами серый кошмар. Первая глава их одиссеи только началась. И она оказалась не путешествием к звёздам, а путешествием вглубь самих себя. В самое тёмное, самое уязвимое, что они носили в себе. И они даже не знали, есть ли у этого путешествия конец. И есть ли у тумана, этого искажённого зеркала их душ, свои собственные намерения.

Он сделал глубокий вдох, собирая волю в кулак. Паника и отчаяние были роскошью, которую они не могли себе позволить. Каждая такая мысль могла стать последней.

— Все по своим местам, — сказал он тихо, но так, чтобы его услышали все, даже те, кто не был на мостике. — Мы не сдаёмся. Мы изучаем. Мы ищем слабое место. В этом явлении. И в себе. Это приказ.

Но в глубине души, куда не проникал свет сознательного контроля, уже шевелился вопрос, страшный и неизбежный: а что, если слабого места нет? Ни в тумане. Ни в них самих? Что, если «Эфир» и его экипаж обречены навсегда блуждать в лабиринте собственных призраков?

Звёзд за иллюминаторами не было видно. Была лишь бесконечная, равнодушная, всепоглощающая серая пустота.

Глава 2. Зеркала для призраков

Тишина после удара была страшнее самого удара. Она повисла на мостике густым, липким покрывалом, сквозь которое слышалось лишь прерывистое дыхание и навязчивый, шипящий звук работающих где-то в глубине корабля аварийных стабилизаторов. Золотистый свет и обещающий силуэт исчезли, оставив после себя лишь чувство жестокого подвоха и усилившуюся в разы серую мглу за иллюминаторами. Она теперь не просто висела — она клубилась, переливаясь, как грязное масло, и в её глубинах мелькали обрывки чего-то, что уже нельзя было назвать ни мыслями, ни воспоминаниями. Это был хаос, рождённый из порядка их сознаний.

Горский первым нарушил оцепенение.

— Отчёт о повреждениях! Немедленно!

Его голос, хриплый от напряжения, срезал тишину, как нож. Чижова вздрогнула и вцепилась в свою консоль.

— Сектор пять, обшивка... деформация. Внутренняя мембрана цела, разгерметизации нет. Силовой каркас выдержал, но... — она подняла на командира испуганные глаза. — Но датчики показывают, что удар пришёлся именно в то место, которое я... которое я мысленно представила слабым, когда проверяла схему нагрузок час назад.

— Подтверждаю, — глухо отозвался с научного поста Се-

мёнов. Он казался постаревшим на десять лет. — Энергетический паттерн удара совпадает с электромагнитным следом наших биодатчиков, в частности, с энцефалограммой Марины в момент её опасений. Туман не просто материализует статичные образы. Он способен преобразовывать устойчивые, подкреплённые эмоцией мысли в физическое воздействие. Мысль о слабости обшивки плюс страх за целостность корабля плюс мой научный интерес к этому явлению... Всё это сложилось в идеальный рецепт для удара.

— То есть, мы сами себя бьём, — с горькой усмешкой произнёс Горский. — Через посредника в виде этой... субстанции. Виктория, как там Зайцева? Волков?

Голос доктора Орловой прозвучал из динамиков, ровный, но с заметным напряжением:

— Анна без сознания, седация работает. Дмитрий... в тяжёлом состоянии. Не физически. Психологически. Он видит... он видит своего отца. Того, который... — она запнулась, подбирая слова. — Который был с ним жесток. Эти образы настолько реальны, что он не может отличить их от действительности. Я ввела ему транквилизатор. Он сейчас спит. Но, Алексей Игоревич... у меня самой в лазарете... на стенке проступили буквы. Слова. Из старого дневника, который я вела в подростковом возрасте. Самые сокровенные, самые глупые страхи.

— Контролируй себя, Вика, — сказал Горский, понимая всю беспомощность этого приказа. — Ты нужна в строю.

Всем нужна.

— Пытаюсь, — был короткий ответ.

Горский обвёл взглядом мостик. Двое его ключевых специалистов выведены из строя. Пилот и учёный на грани срыва. Корабль повреждён, и они не могут пошевелиться, чтобы не спровоцировать новую катастрофу. Они заложники собственных мозгов.

— Илья, — обратился он к Семёнову. — Гипотезы. Любые. Как это работает? Есть ли у этого явления источник? Центр? Закономерности, кроме нашей психики?

Учёный с усилием оторвался от созерцания своих дрожащих рук.

— Работает... как интерфейс, — начал он медленно, собирая мысли в кучу. — Гигантский, пассивно-активный психотронный интерфейс. Он считывает электромагнитную и, возможно, квантовую активность нашего мозга, причём не только сознательную. Подсознание, глубинные слои памяти — всё идёт в дело. А затем... затем он использует энергию самого пространства. Эти флуктуации... они не просто искажения. Они — строительный материал. Туман — это поле, способное упорядочивать вакуумную энергию, придавая ей временную, неустойчивую форму, соответствующую нашему мысленному паттерну. Чем сильнее эмоция, чем устойчивее нейронная связь, тем реальнее и дольше существует проекция.

— Источник?

— Должен быть. Такая упорядоченность... она не возникает сама по себе. Возможно, мы внутри некоего поля, созданного неизвестной технологией. Или... — он замолчал.

— Или что?

— Или это естественное, но неизученное свойство данной области пространства. Как если бы здесь сама ткань реальности была нестабильна и восприимчива к сознанию. Мы — камень, брошенный в воду. А эти образы — рябь. Только рябь способна нас утопить.

Мысль о том, что они сами являются причиной собственных мучений, но в гипертрофированном масштабе, была невыносима.

— Как вырваться? — спросила Чижова, её пальцы сжимали подлокотники кресла до побеления костяшек. — Если думать о побеге... он может создать ловушку. Если думать о безопасности здесь... мы никогда не сдвинемся.

— Надо думать о чём-то нейтральном, — сказал Горский. — О пустоте. О цифрах. О...

Он не успел договорить. На экране главного обзора, в серой пелене, прямо по носу «Эфира», начало собираться нечто огромное. Не образ, не мираж — а структура. Огромная, тёмная, ажурная конструкция, напоминающая то ли кристаллическую решётку невероятных размеров, то ли скелет гигантского, неизвестного науке существа. Она медленно вращалась, и её грани преломляли тусклый свет, исходящий от самого тумана. Она выглядела чужой. Абсолютно. В

ней не было ничего человеческого, ничего узнаваемого из их памяти.

— Что это? — прошептала Чижова. — Это чьё-то?..

— Не наше, — уверенно сказал Семёнов, и в его голосе вновь загорелся научный азарт, пересиливший страх. — Я такого не представлял. Марина? Командир?

— Нет, — хором ответили они.

— Значит, это... самостоятельное творчество поля? Или... — он замер, вглядываясь в данные спектрального анализа, которые бежали по боковому монитору. — Или это отклик на наши коллективные, базовые страхи? Страх перед неизвестным, перед чужим, перед ловушкой? Он принял такую форму. Архитектура кошмара.

Конструкция приближалась. Медленно, неумолимо. Она была настолько велика, что закрывала собой всё поле зрения. И она не растворялась. Она оставалась стабильной, в отличие от мимолётных видений.

— Она материальна? — спросил Горский.

— Датчики фиксируют твёрдый объект! — воскликнул Семёнов. — Масса есть! Пусть и небольшая, но есть! Он создал не галлюцинацию, а реальный объект из... из упорядоченного пространства!

— Увернуться! Марина!

— Командир, управление всё ещё затруднено! Туман, он как густая смола!

— Попробуй! Хоть на градус!

Чижова, стиснув зубы, взялась за штурвал ручного управления. Корабль, с тяжёлым стоном металла, начал поворачиваться. Медленно, мучительно медленно. Огромная кристаллическая решётка заполняла собой всё. Казалось, вот-вот произойдёт столкновение.

И тогда Горский принял решение. Безумное. Отчаянное. — Все! Слушать меня! Не смотреть на эту штуку! Закрыть глаза, если можете! Думать... думать о простом. О самом простом и физическом! Илья! Ты — о законе тяготения Ньютона! Марина — о таблице пересчёта курсов! Я... я буду думать о схеме электропроводки на мостике! Концентрация! Мы должны навязать полю НАШУ реальность! Самую скучную, самую простую! Не дать ему питаться нашим страхом перед ним!

Это была авантюра. Но иного выхода не было. Он сам закрыл глаза, упёрся локтями в колени и начал в уме, с лихорадочной скоростью, вспоминать и прокручивать схему, которую изучал ещё на курсах офицеров. Зелёные линии на синем фоне. Разъёмы, реле, предохранители. «Провод А-34 идёт к щитку навигации, ответвление на канал связи... конденсатор С-12... перемычка на резервный генератор...»

Рядом слышалось прерывистое бормотание Семёнова: «...сила притяжения прямо пропорциональна произведению масс и обратно пропорциональна квадрату расстояния... F равно G умножить на m один, m два делить на r в квадрате...»

Чижова, скрипя зубами, шептала что-то о курсовых углах и импульсах.

Минута. Две. В ушах стоял звон от напряжения. Горский чувствовал, как пот струится по вискам. Страх, желание открыть глаза и увидеть, не раздавила ли их уже эта чужеродная конструкция, были почти непреодолимы. Он впивался ногтями в ладони, боль помогала удерживать фокус.

— Командир... — услышал он голос Семёнова, полный изумления. — Она... меняется.

Горский рискнул открыть один глаз. На экране, который он видел боковым зрением, огромная кристаллическая решётка... теряла чёткость. Её грани стали расплываться, как бы таять по краям. Она не исчезла, но превратилась во что-то более аморфное, в гигантское облако пыли, которое медленно рассеивалось в тумане. Угроза столкновения миновала.

— Сработало... — выдохнула Чижова, разжимая побелевшие пальцы. — Мы... мы его пересилили?

— Не пересилили, — поправил Семёнов, но в его голосе звучала надежда. — Мы дали полю другой паттерн для подражания. Вместо страха и неизвестности — сухие, эмоционально нейтральные данные. Ему стало неинтересно, не за что зацепиться. Оно переработало объект в нечто менее структурированное. Это ключ! Контроль над мыслями через интеллектуальную деятельность! Рутинa! Монотонность!

Это было маленькой, но важнейшей победой. Они нашли

первую слабину в броне тумана. Он был могуществен, но как минимум отчасти реактивен. Он отвечал на то, что ему давали.

— Хорошо, — Горский вытер лицо. — Значит, тактика есть. Всем, кто в сознании — немедленно занять мозг работой. Расчётами, проверками, заучиванием наизусть технических мануалов. Никаких свободных мыслей, никакого эмоционального фона. Илья, твоя задача — на основе этой гипотезы попытаться смоделировать поле, найти его частоту, резонанс, что угодно. Искать способ заблокировать его влияние или создать вокруг корабля защитный кокон из... из скучных мыслей.

— Понял, — кивнул Семёнов, уже погружаясь в расчёты. Горский связался с лазаретом.

— Виктория, как слышно? Новая информация. Нужно занять мозги работой. Считать, вспоминать медицинские протоколы, формулы. Держать Волкова и Зайцеву под седацией, но если они придут в себя — немедленно дать им задание. Понимаешь?

— Понимаю, — ответил усталый, но собранный голос Орловой. — Я... я начала вести подробный медицинский журнал на бумаге. Старой ручкой. Занимает руки и голову. Попробую заставить Дмитрия, когда он очнётся, вспоминать схемы двигателей. Anne... ей сложнее. Её травма глубже.

— Делай, что можешь. Ты не одна.

Он откинулся в кресле. Тактика была, но она требова-

ла титанических, непрерывных усилий. Долго ли они выдержат такое психическое напряжение? Часы? Дни? Туман за бортом, казалось, затих, наблюдая. Мерцающие образы стали менее яркими, более абстрактными. Их концентрация на скучных данных действовала как щит. Но щит был хрупким.

Прошло несколько часов корабельного времени. На мостике царила странная, напряжённая тишина, нарушаемая лишь монотонным бормотанием Чижовой, повторяющей коэффициенты коррекции курса, и стуком клавиш под пальцами Семёнова. Горский заставил себя погрузиться в анализ всех внештатных ситуаций за последние пять лет службы, вспоминая каждый протокол, каждую запись в журнале. Это было мучительно, но работало.

Внезапно Семёнов ахнул. Но на этот раз в его восклицании не было ужаса, а лишь ошеломление.

— Командир... Я, кажется, что-то нашёл. Вернее, оно само...

— Что?

— Поле... оно неоднородно. И не случайно. Мои датчики, которые я перенастроил на поиск когерентных паттернов в энцефалограммах экипажа и внешних флуктуациях... они показывают связь. Не просто реакцию. Обратную связь.

— Говори яснее, Илья.

— Когда мы генерируем сильный, устойчивый мысленный образ, туман не только воплощает его. Он... усиливает его определённым образом и иногда возвращает в искажённом

ном виде. Но есть моменты, когда наши образы совпадают. Не полностью, а по эмоциональному тону. Страх Зайцевой и страх Волкова... они разные по содержанию, но одинаковы по эмоциональной окраске — вина, беспомощность. И в эти моменты в поле возникают резонансы. Более сильные и устойчивые. А когда мы все думали о технических данных... поле успокоилось. Оно словно... учится. Подстраивается под нас. Или мы под него.

Горский почувствовал, как холодок пробегает по спине.

— Ты хочешь сказать, что это... разумно?

— Я не знаю. Но оно обладает некой внутренней логикой. Как сложная система, стремящаяся к равновесию. Мы — возмущение. И оно пытается либо ассимилировать нас, подстроив под свои правила (превратив наши мысли в материю), либо избавиться от нас, доведя до самоуничтожения. А может... общаться.

— Общаться? Создавая кошмары?

— А какой у нас с ним общий язык, Алексей Игоревич? — горько усмехнулся Семёнов. — У нас нет общих понятий. Есть только наши эмоции, наши воспоминания, наши страхи. Это единственная валюта, в которой мы можем «разговаривать». И он пользуется ею. Он показывает нам наши страхи — мы отвечаем страхом. Он показывает желания — мы отвечаем надеждой. Это диалог глухих, но диалог.

Мысль была ошеломляющей. Они находились не в ловушке слепой силы природы, а в контакте с чем-то непостижи-

мым, что пыталось взаимодействовать самым примитивным, грубым и потому ужасающим способом.

— Если это так, — медленно проговорил Горский, — то нам нужно найти способ говорить на другом языке. Не на языке эмоций. На языке... на языке чего?

— Математики? Физики? — предположила Чижова.

— Возможно, — сказал Семёнов. — Но нужен не просто поток данных. Нужен образ. Устойчивый, мощный, лишённый двусмысленности. Который будет нести один и тот же смысл для всех нас и, возможно, будет «прочитан» полем как нечто цельное.

— Что может быть таким для нас всех? — задумался Горский.

В этот момент на связь вышла Орлова. Её голос звучал странно — подавленно, но с искоркой чего-то важного.

— Алексей Игоревич... Дмитрий пришёл в себя. Он в сознании. И... он просит выйти на связь. С вами. Говорит, что понял.

— Понял что?

— Как с этим бороться. На своём опыте.

Горский обменялся взглядами с Семёновым и Чижовой.

— Подключай.

В динамиках послышалось тяжёлое дыхание, затем глухой, но собранный голос инженера Волкова:

— Командир... я... простите за слабость.

— Не время, Дмитрий. Что понял?

— Он бьёт по самому больному. По тому, что ты прячешь даже от себя. У меня... это отец. У Анны — брат. Я видел, как у Виктории на стене проступали слова... она потом проворчала что-то о насмешках в школе. У каждого свой скелет в шкафу. Так?

— Так, — подтвердил Горский.

— А что, если... вытащить этого скелета? Не давать ему быть тайной. Не прятать. Сказать вслух. Признаться... кому угодно. Хотя бы самому себе, но громко. Когда это тайна, она имеет над тобой власть. А когда это просто факт, просто история... может, сила её иссякнет? Туман кормится нашей скрытой болью. Лишим его корма.

На мостике воцарилась гробовая тишина. Предложение Волкова было не менее безумным, чем попытка мыслить техническими мануалами. Оно требовало невероятного мужества — обнажить перед коллегами, перед самим собой самые постыдные, самые ранящие воспоминания.

— Это риск, Дмитрий, — сказал наконец Семёнов. — Мы можем усилить поле, сфокусировавшись на этих травмах все вместе.

— А мы и так их усиливаем, сами того не желая, — возразил Волков. — Они висят в воздухе. В этом тумане. Он их уже знает. Мы просто не признаём этого. Я... я начну. Если разрешите, командир.

Горский колебался. Но логика в словах инженера была. Туман вытягивал наружу скрытое. Значит, нужно лишить

скрытое его силы, превратив в открытое. В принятое.

— Делай, — тихо сказал он. — Мы слушаем.

Послышался глубокий, дрожащий вдох.

— Мой отец... он не был злым. Он был сломанным. Война, потом работа на вредном производстве... Он пил. И когда пил, становился жестоким. Не избивал, нет... Он унижал. Постоянно. Говорил, что из меня ничего не выйдет, что я криворукий, тупой. Что я никогда не сравняюсь с ним, настоящим мужчиной. — Голос Волкова срывался, но он продолжал. — Я его боялся. И ненавидел. И в то же время... хотел, чтобы он наконец сказал, что я чего-то стою. Он умер, когда я поступал в академию. Не сказал. И я... я всё время ношу это в себе. Этот страх, что я действительно никчёмный. Что мои двигатели развалятся, потому что я где-то ошибся, просмотрел. Что я подведу всех. Вот что туман показывал мне. Моего отца, который говорит мне всё это снова и снова.

На мостике было тихо. Чижова смотрела в пол, её глаза были полны слёз. Семёнов снял очки и закрыл лицо рукой.

— Спасибо, что поделился, Дмитрий, — тихо сказала Орлова на связи. Её голос тоже дрожал.

— И что? — спросил Горский, обращаясь больше к Семёнову. — Изменения?

Учёный посмотрел на показания.

— Энцефалограмма Дмитрия... пики страха и тревоги снизились. Остаётся грусть, но... это другое. А внешнее поле... в секторе лазарета активность действительно немного

спала. Незначительно, но факт.

— Работает? — с надеждой спросила Чицова.

— Слишком рано говорить, — осторожно ответил Семёнов. — Но... направление мысли верное. Туман реагирует на актуальную, острую эмоцию. Принятие, проживание травмы — это процесс, который снимает остроту.

— Тогда я... — начала Чицова и замолчала, сжав губы.

— Не надо насильно, Марина, — сказал Горский. — Это должен быть твой выбор.

— Нет, надо, — она резко встряхнула головой. — Если это поможет кораблю. Я... на втором курсе академии была учебная авария. Старый челнок. Отказал двигатель. Мы падали. Пилот, мой наставник... он взял управление на себя, выровнял падение, но сам получил несовместимые травмы. Умер через час. А я... я была в шоке. И потом все говорили, что если бы я действовала быстрее, если бы не растерялась... может, он бы выжил. Я не знаю, правда это или нет. Но я всегда чувствовала вину. И страх — страх снова оказаться не на высоте, подвести. Туман показал мне тот самый челнок. И его... лицо.

Она замолчала, тяжело дыша.

— Это не твоя вина, Марина, — твёрдо сказал Горский. — Ты была курсантом. Это был несчастный случай.

— Знаю. Головой знаю. А вот здесь... — она ткнула пальцем в грудь. — Здесь до сих пор ноюще болит. Может, теперь... полегчает.

Семёнов наблюдал за данными.

— Активность в её секторе... стабилизируется. Эмоциональный фон становится ровнее.

— Командир, — раздался голос Орловой. — Анна в сознании. Она слышала. Она... хочет попробовать.

Через несколько минут слабый, но чистый голос Зайцевой прозвучал в общем канале:

— Мой брат Сергей... он был старше. Мы вместе увлекались астрономией. Мечтали о звёздах. Он поступил в отряд космических монтажников. Это опасная работа. Однажды он позвонил мне, перед выходом в открытый космос на срочный ремонт. У него было плохое предчувствие. Я... я посмеялась над ним. Сказала, что он суеверный старик. Просто пошутила. А через три часа произошёл разрыв скафандра. Микрометеорит. Он погиб. И я... я всегда думала, что если бы я отнеслась серьёзно, если бы попросила его отменить выход... может, он бы остался жив. Это чувство вины... оно съело меня изнутри. Поэтому я ушла в технику, в расчёты. Туда, где всё можно проверить, пересчитать, где нет места случайным словам. Туман показал мне его голос. Он звал... и я хотела пойти, чтобы наконец извиниться.

В её голосе не было истерики. Была усталая, бесконечная грусть, но также и облегчение от того, что это наконец сказано.

— Спасибо, Анна, — сказал Горский. И почувствовал, что должен сделать следующий шаг. Он — командир. Его

пример важен. — Мой случай... мой первый командир, капитан Леонид Соколов. Я был зелёным лейтенантом. На марсианской орбитальной станции произошла разгерметизация модуля. Он бросился туда, чтобы вытащить застрявшего техника. Приказал мне держать шлюз и никого не впускать, пока он не вернётся. Он вытащил техника, но когда возвращался... зацепился за торчащую арматуру. Разрыв скафандра. Я видел его лицо за стеклом. Он что-то кричал. Может, «открывай». А может, «не открывай». Я... я не открыл. Следовал приказу. Он погиб. И я до сих пор не знаю, правильное ли решение я принял. Может, если бы я нарушил приказ... Может... Но я не нарушил. И несу это с собой. Туман показал мне его. Плывущего в пустоте.

Наступила длинная пауза. Казалось, сам корабль затаил дыхание. Давно скрываемые боли, как гной из вскрытых нарывов, вышли наружу. Было больно, стыдно, горько. Но также стало... легче. Как если бы тяжёлый груз, который каждый нёс в одиночку, теперь распределился на всех. Он не исчез, но его стало возможно нести.

Семёнов, всё это время молчавший, наконец произнёс:

— Невероятно. Коллективная энцефалограмма... синхронизируется. Уровень стрессовых гормонов падает у всех. А поле... поле вокруг корабля реагирует. Оно не исчезает, но его активность меняется. От хаотических всплесков переходит к более плавным, волнообразным колебаниям. Как будто... успокаивается. Прислушивается.

— Это наш новый «язык»? — спросила Чицова. — Язык принятой боли?

— Возможно, язык искренности, — сказала Орлова. — Без масок. Без защиты. Туман реагировал на скрытое, на подавленное. Когда мы это обнародовали и приняли, ему стало нечего цеплять. Он видит нас... настоящих. Уязвимых, но цельных.

И тогда произошло нечто новое.

Туман за иллюминаторами, до этого бывший однородной, клубящейся массой, вдруг начал рассеиваться. Не исчезать, а как бы отступать от корпуса «Эфира», образуя вокруг корабля пузырь чистого, чёрного пространства диаметром метров в сто. В этом пузыре не было звёзд, но не было и серой мглы. Была просто пустота. А за пределами пузыря туман продолжал свой мерцающий танец.

— Он... отступил? — не поверила своим глазам Чицова.

— Он дал нам пространство, — прошептал Семёнов. — Буквально. В ответ на нашу... искренность.

Но облегчение было недолгим. Потому что в центре этого чистого пузыря, прямо перед носом звездолёта, пространство затрепетало. И из него, медленно, словно прорастая из самой пустоты, начала материализовываться новая структура.

Она не была чужеродным кристаллом. И не была призраком из прошлого. Это была... модель. Трёхмерная, светящаяся мягким голубоватым светом модель их собственно-

го звездолёта «Эфира». Каждый модуль, каждый шлюз, каждый антенный комплекс был воспроизведён с абсолютной, пугающей точностью. Модель висела неподвижно, вращаясь медленно вокруг своей оси.

— Что это? — спросил Горский. — Новый образ?

— Нет, — Семёнов впился в показания. — Это... это не просто образ. Это карта. Карта энергетических потоков. Смотрите!

На модели «Эфира» зажглись точки. Красные, жёлтые, зелёные. Они пульсировали. И тут всем стало ясно: это отображение их собственных жизненных показателей, психоэмоционального состояния, активности систем корабля в реальном времени. Красные точки горели в местах, соответствующих каютам, где люди переживали сильный стресс (лазарет, пост Волкова). Зелёные — на мостике, где после исповеди напряжение спало. Жёлтые — в инженерных отсеках.

— Он показывает нам... нас самих, — ошеломлённо произнесла Орлова. — Со стороны. В виде данных.

— Это коммуникация, — сказал Семёнов с растущим волнением. — Более сложная. Он перешёл от языка образов-эмоций к языку схем, карт. Это шаг вперёд! Он пытается найти общий знаменатель!

— А что это? — Чижова указала на то, как от модели «Эфира» в сторону границы пузыря потянулся тонкий, pulsating голубой луч. Он упирался в невидимую сферу, ограничивающую их безопасную зону, и в том месте туман

реагировал, образуя сложные, быстро меняющиеся геометрические фигуры.

— Это... это предложение? — предположил Горский. — Он показывает нам путь? Или просит что-то?

— Вычислительный мост, — вдруг сказал Семёнов. — Он предлагает установить связь на другом уровне. Не эмоциональном, а... информационном. Модель корабля — это мы. Луч — это запрос на выход. А фигуры в тумане... возможно, варианты, условия, карта самой аномалии.

Риск был колоссальным. Подключиться к этой сущности? Доверить ей свои системы, свои мысли в ещё более прямой форме?

— Если это ловушка? — тихо спросила Чижова.

— А разве сейчас не ловушка? — парировал Волков, уже звучавший гораздо твёрже. — Мы стоим. Он нас не трогает, пока мы не паникуем. Но мы и не движемся. Рано или поздно ресурсы иссякнут. Или кто-то сорвётся. Нужно действовать.

— Илья, — обратился Горский к учёному. — Твоя оценка. Риски.

— Риск тотальный, командир. Мы можем потерять всё. Но и шанс есть. Если он действительно пытается общаться и предлагает «апгрейд» связи с образом на данные... мы можем получить информацию о структуре поля. Возможно, найти способ управлять им. Или хотя бы понять, как отсюда выбраться.

— Как технически это сделать?

— Нужно... настроить наш главный компьютер на ту же частоту, на которой работает эта модель. Послать ответный импульс по тому же каналу. Фактически, протянуть руку.

Горский молча смотрел на голубую модель своего корабля, висящую в пустоте. Она была прекрасна и ужасна одновременно. Это был шанс. Возможно, единственный.

— Делаем, — решил он. — Илья, Марина — готовьте систему. Осторожно, малыми шагами. Виктория, Дмитрий, Анна — будьте наготове. Неизвестно, как это скажется на психологическом состоянии.

Подготовка заняла больше часа. Семёнов, с лихорадочной сосредоточенностью, перенастраивал коммуникационные матрицы, пытаясь подобрать «ключ» к тому паттерну, которым светилась модель. Чижова обеспечивала стабильность всех систем, готовясь в любой момент отключить всё, если пойдёт не так.

Наконец, Семёнов кивнул.

— Готово. Посылаю синхронизирующий импульс. Очень слабый.

Он нажал клавишу.

На модели «Эфира» в пустоте точка, соответствующая главному передатчику, вспыхнула ярче. Голубой луч от неё к границе пузыря тоже усилил свечение. И тогда туман по ту сторону сферы отозвался.

Не хаосом образов. А потоком.

Чистым, необработанным потоком данных. Он хлынул в

компьютеры «Эфира», едва не перегрузив буферы. На экранах замелькали столбцы чисел, трёхмерные графики непонятных функций, диаграммы, напоминающие то строение ДНК, то схемы галактических скоплений. Это был не человеческий язык. Это был язык самой реальности, языка математики и физики, но в таком объёме и такой сложности, что даже Семёнов ахнул.

— Это... это карта пространственно-временных искажений! — крикнул он. — В реальном времени! Он показывает нам структуру тумана! Вот она — граница! И... и есть канал! Слабый, стабильный канал, ведущий наружу! Он не однороден! В нём есть... проходы!

На главный экран вывелась трёхмерная карта. В центре — маленькая точка «Эфира» внутри своего пузыря. Вокруг — бурлящее, сложно структурированное море аномалии, напоминающее мозговые извилины или лабиринт. И в этом лабиринте, как тонкая нить Ариадны, протягивался извилистый, но непрерывный туннель относительно стабильного пространства. Он вёл из глубины тумана куда-то наружу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.